НХ

К. Перевозниковъ.

СОЦІАЛИЗМЪ

И

ПРОБЛЕМА

ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО СЧАСТІЯ.

Отдѣльные оттиски изъ журн. «Мисс. Обозр.» №№ 8—9 за 1909 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „Колоколъ", Невскій, 127.
1909.

5к

„Пров 38“

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
1143
27

Соціализмъ и проблема человѣческаго счастія.

Человѣчество всегда жило и будетъ жить главнымъ образомъ надеждою на счастіе. Вся исторія человѣческой жизни есть не что иное, какъ непрерывная погоня за счастіемъ.

Это постоянное исканіе счастія въ одной монгольской сказкѣ олицетворяется во образѣ матери, потерявшей свою единственную любимую дочь. Съ воплями и слезами бродитъ эта несчастная по свѣту, отыскивая потерянное сокровище. Иногда ей кажется, что она нашла его. Съ восторгомъ бросается тогда она къ предмету, показавшемуся ей дочерью, съ любовію схватываетъ его и уноситъ съ собою, нѣжно прижимая къ изстрадавшемуся родительскому сердцу. Но вотъ первый пылъ восторга прошелъ. Она начинаетъ внимательно всматриваться въ свою находку и съ ужасомъ замѣчаетъ, что ошиблась. Въ отчаяніи бросаетъ тогда она на землю обманувшій ее предметъ и снова идетъ по свѣту разыскивать свою потерю. Та же полная трагизма исторія повторяется и въ жизни человѣчества. Неутомимая жажда счастія, не находя себѣ удовлетворенія, заставляетъ человѣчество создавать одну за другой, различныя до противоположности, теоріи жизни и счастія.

У каждаго времени есть своя иллюзія счастія. Самой модной и распространенной иллюзіей нашего времени является соціализмъ во всѣхъ его формахъ и видахъ. Это широкою волной разлившееся въ послѣднее время ученіе мечтаетъ возстановить на землѣ потерянный человѣкомъ рай. Многіе глубоко вѣрятъ въ возможность осуществленія соціалистическаго рая и охотно примыкаютъ къ общественному соціалистическому движенію. Дѣйствительно, соціализмъ, какъ общественное явленіе, съ перваго взгляда легко можетъ подкупить въ свою пользу. Проникнутый нерѣдко глубокимъ негодованіемъ противъ угнетенія и эксплоатаціи бѣдныхъ богатыми, слабыхъ сильными; подчасъ искренно сочувствующій, въ лицѣ лучшихъ идейныхъ своихъ представителей, интересамъ униженныхъ и оскорбленныхъ; повидимому, отъ души желающій счастія младшему

брату, онъ своими широковѣщательными обѣщаніями всеобщаго счастія и братства, при успѣшномъ стремленіи скрыть отъ широкихъ слоевъ общества истинную сущность своего ученія, можетъ казаться людямъ неопытнымъ проповѣдію христіанства. Иные увѣрены, что соціализмъ стремится водворить на землѣ давно предсказанныя пророками времена, когда люди «перекуютъ мечи свои на орала и копія на серпы и не будутъ болѣе воевать, но каждый будетъ сидѣть подъ своей виноградной лозой и подъ своей смоковницей» (Мих. 4, 3, 4). Этимъ только и можно объяснить слова извѣстнаго священника, депутата одной изъ нашихъ Государственныхъ Думъ, о томъ, что если бы Христосъ жилъ въ наше время, то Онъ былъ бы соціалистомъ. Но не таковъ соціализмъ въ дѣйствительности. И по своей практической дѣятельности, и какъ теорія жизни и счастія, онъ всецѣло проникнутъ антихристіанскимъ характеромъ и не способенъ разрѣшить проблему человѣческаго счастія.

По общему убѣжденію человѣчества, счастье заключается во внутреннемъ довольствѣ человѣка собою и окружающей жизнію вслѣдствіе сознанія исполненнаго долга и удовлетворенія врожденныхъ потребностей и стремленій человѣческой природы. Такимъ образомъ, чтобы сдѣлать человѣчество счастливымъ, необходимо удовлетворить главныя и основныя потребности его природы и, указавъ ему истинную цѣль его дѣятельности, поставить ее въ такія условія, при которыхъ осуществленіе ея было бы для него возможнымъ. А для этого нужно прежде всего имѣть правильное понятіе о существѣ и свойствахъ человѣческой природы.

Посмотримъ, въ такихъ ли правильныхъ понятіяхъ о природѣ человѣка выросъ и, такъ сказать, исторически воспитался соціализмъ,—обладаетъ ли онъ этимъ необходимымъ для построенія надлежащаго ученія о счастіи условіемъ и въ состояніи ли обѣщаемый имъ рай удовлетворить человѣка?

Соціализмъ вызванъ къ жизни французской революціей, хотя логически подготовлялся значительно раньше ея фактическаго появленія. Революція впервые обнаружила попытку обосновать человѣческую культуру и человѣческое счастіе на внѣ-религіозныхъ и, главнымъ образомъ, матеріальныхъ началахъ. Объявивъ религію признакомъ невѣжества, результатомъ, грубаго суевѣрія, она, вмѣсто прежняго служенія Богу, провозгласила культъ человѣка, поставивъ во главу угла своего культурнаго строительства взятыя у христіанства понятія сво-

боды, равенства и братства. Но, лишивъ эти понятія ихъ глубочайшей основы—религіи, революція оказалась безсильной осуществить ихъ въ жизни. Она установила гражданскую свободу. Но это установленіе фактически отдало Францію въ рабство капиталу и буржуазіи. Не дала революція и дѣйствительнаго равенства. Правда, всѣмъ предоставлено было равенство правъ. Но для фактическаго осуществленія равенства, кромѣ равенства правъ, необходимо еще и равенство силъ, чего не можетъ дать никакое человѣческое ученіе. Еще менѣе способна была революція осуществить идею братства, положивъ въ основу своей дѣятельности стремленія грѣховной природы человѣка. Она сильнѣе только обострила давнишнюю братоубійственную борьбу людей другъ съ другомъ.

Очевидное банкротство революціи въ дѣлѣ устроенія человѣческаго счастія, естественно, должно было вызвать попытки исправить ея дѣло. Эту задачу и взялъ на себя соціализмъ.

Но для успѣшнаго выполненія этой задачи нужно было правильно опредѣлить коренную ошибку предшествовавшаго культурнаго направленія. Она состояла въ отрѣшеніи отъ религіозно-нравственныхъ началъ жизни. Соціализмъ же, видя причину неуспѣха своей предшественницы исключительно въ недостаточности надлежащихъ экономическихъ и соціальныхъ условій, все свое вниманіе направилъ на переустройство этихъ сторонъ жизни, а главнаго въ пылу битвы не замѣтилъ и въ основаніе своей дѣятельности и своего ученія положилъ тотъ же ложный принципъ—возстановленіе въ жизни человѣчества правъ матеріи, якобы попранныхъ религіей, церковью и государствомъ. Вначалѣ съ этимъ принципомъ соединялось понятіе о правѣ матеріи на одухотвореніе, мысль о томъ, что экономическія отношенія имѣютъ право на то, чтобы стать предметомъ нравственнаго воздѣйствія человѣка. Но это были обломки отвергнутаго христіанскаго идеала и совершенно не мирились съ характеромъ новаго культурнаго направленія. Поэтому скоро этотъ взглядъ уступилъ мѣсто новому взгляду, первымъ выразителемъ котораго явился Фурье. Основная мысль его ученія та, что «матеріальная жизнь человѣчества не есть лишь особая область для примѣненія нравственныхъ началъ, а имѣетъ самостоятельное и полноправное начало. Началомъ этимъ является инстинктъ, или страсти, которымъ долженъ быть предоставленъ полный просторъ, такъ чтобы нормальный общественный порядокъ естественно вытекалъ изъ взаимнаго восполненія и чередованія личныхъ страстей и интересовъ». Признаніе за ма-

теріальною стороною жизни человѣка особаго самостоятельнаго значенія должно было повести къ совершенному отчужденію отъ высшихъ духовныхъ интересовъ. Нельзя служить двумъ господамъ: одинъ изъ нихъ всегда будетъ преимуществовать предъ другимъ.

Такъ дѣйствительно и случилось въ соціализмѣ: естественное преобладаніе и господство получило то начало, подъ знаменемъ котораго онъ выступилъ на арену общественной дѣятельности, т. е. матеріальное начало, и основнымъ мотивомъ дѣятельности сталъ эгоизмъ. Защищая принципъ «каждый для себя» отъ упрека въ антисоціальности, послѣдователи новаго ученія измыслили особаго рода экономическую гармонію, въ силу которой, будто-бы, каждый, заботясь только о себѣ и о своихъ, невольно по самой природѣ общественныхъ отношеній, содѣйствуетъ пользѣ всѣхъ, такъ что личные интересы гармонируютъ съ интересами общественными. Подобнаго рода теоріи не могли долго пользоваться кредитомъ. Малѣйшее знакомство съ исторіей и жизнію въ корнѣ убивали вѣру въ нихъ. Съ другой стороны, съ теченіемъ времени, связь съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ все болѣе порывалась, и чистый матеріализмъ въ концѣ концовъ окончательно восторжествовалъ. Въ настоящее время соціализмъ совершенно сбросилъ съ себя всякія вуали. По признанію соціалнзма, «человѣкъ есть только общественное животное, какъ доказала наука, и больше ничего». Онъ «пріобрѣлъ свое сознаніе только въ общежитіи соціальныхъ группъ (орда, родъ, классъ) и только въ такомъ общежитіи можетъ жить, какъ сознательное существо. Такимъ образомъ, матеріальныя основы этихъ группъ опредѣляютъ его идеальное сознаніе и прогрессирующее развитіе первыхъ представляетъ законъ эволюціи человѣчества» (Мерингъ. «Объ историческомъ матеріализмѣ». Стр. 19). Оправданіе своему взгляду соціализмъ старается найти въ исторіи человѣчества. Это стремленіе выразилось въ особомъ историческомъ направленіи, извѣстномъ подъ названіемъ историческаго матеріализма. Историческій матеріализмъ всѣ историческія явленія сводитъ на почву экономическихъ отношеній, внѣ которыхъ, будто бы, не существуетъ никакихъ другихъ движущихъ силъ. Полновластный и единодержавный владыка жизни и исторіи—это желудокъ человѣка съ его деспотическими требованіями. Онъ—единственный двигатель цивилизаціи. По словамъ Меринга, Марксъ первый открылъ этотъ законъ развитія человѣческаго общества: онъ открылъ простой фактъ, остававшійся скрытымъ

подъ нагроможденной идеологіей, тотъ фактъ, что люди должны ѣсть, пить, имѣть кровъ и одѣваться, прежде чѣмъ они въ состояніи заниматься политикой, наукой, искусствомъ, религіей, и что, такимъ образомъ, производство матеріальныхъ средствъ къ существованію образуетъ основу всей духовной жизни» (Фр. Мерингъ. «Объ историч. матеріализмѣ». Стр. 7). Въ силу этого закона, люди, добывая средства для матеріальнаго существованія, вступаютъ между собою въ опредѣленныя, необходимыя, независимыя отъ ихъ собственной воли отношенія, производственныя отношенія, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной степени развитія ихъ матеріальныхъ производственныхъ силъ. Совокупность же производственныхъ отношеній составляетъ ту реальную основу, на которой поднимается юридическая и политическая надстройка и которой соотвѣтствуютъ опредѣленныя общественныя формы сознанія» (Ibid., стр. 4). Такимъ образомъ, способъ производства средствъ для матеріальнаго существованія обусловливаетъ собою весь соціальный, политическій и духовный жизненный процессъ, такъ что, по словамъ Маркса, «все идеальное есть не что иное, какъ матеріальное, перемѣщенное въ человѣческую голову» (Марксъ, «Капиталъ.» 1,822). Жизнь человѣчества управляется неизмѣнными экономическими законами, а единственнымъ мотивомъ его дѣятельности служитъ эгоизмъ, принимающій форму классовыхъ интересовъ и классовой ненависти и вражды. «Свободный и рабъ, патрицій и плебей, помѣщикъ и крѣпостной, цеховой мастеръ и подмастерье,—короче, угнетатель и угнетаемый находились въ вѣчной враждѣ другъ съ другомъ, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революціоннымъ переустройствомъ всего общественнаго зданія или совмѣстной гибелью классовъ» (Фр. Мер. «Объ истор. матер.»). На вопросъ: почему этотъ законъ историческаго развитія не былъ извѣстенъ раньше, соціалисты отвѣчаютъ, что тайна его могла быть раскрыта только на извѣстномъ уровнѣ развитія человѣчества. «Во всѣхъ предыдущихъ періодахъ разысканіе движущихъ причинъ исторіи было почти невозможно, вслѣдствіе сложной и скрытой связи этихъ причинъ со слѣдствіями, переживаемый же нами періодъ значительно упростилъ эту связь, и загадка можетъ быть разгадана. Теперь для всякаго ясно, что общество все болѣе и болѣе раздѣляется на два большіе враждебные лагеря: буржуазію и пролетаріатъ, единственными мотивами дѣятельности которыхъ являются классовая вражда и ненависть».

Такъ поправдалось на соціализмѣ изреченіе древняго мудреца, что книгу исторіи, какъ и книгу природы, правильно понимаетъ лишь тотъ, кто приступаетъ къ чтенію ея съ чистымъ сердцемъ. Затуманенное чувственностью и чисто животною классовою враждою сознаніе соціалиста ничего не увидѣло въ ней, кромѣ человѣка-звѣря, человѣка-животнаго, и это созданіе своей грязной фантазіи положило въ основу ученія объ устроеніи счастія человѣка.

«По Сенькѣ и шапка», говоритъ народная пословица. И эта пословица нашла полное оправданіе въ соціалистической теоріи счастья.

Развѣнчавъ человѣка до степени простого животнаго, соціализмъ и счастье создаетъ достойное такого человѣка. Люди, рѣшилъ онъ, несчастны *только* потому, что не всѣ сыты, одѣты и обуты. Нужно ихъ накормить, одѣть и обуть, а для этого нужно уничтожить частную собственность: она препятствуетъ осуществленію человѣческаго счастія, препятствуетъ осуществленію принциповъ свободы, равенства и братства. «Господа средствъ производства, говоритъ Каутскій, частные собственники, властвуютъ надъ производствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ надъ обществомъ. Пролетарій, принужденный работать съ чужими средствами производства, вмѣстѣ съ тѣмъ осужденъ на рабство въ производствѣ, на подчиненіе въ обществѣ и, въ виду усиливающейся концентраціи средствъ производства, и въ немногихъ предпріятіяхъ все больше исчезаютъ его надежды освободиться отъ рабства въ рамкахъ существующаго правового порядка на основахъ частной собственности на средства производства» (Каутскій. Классовые интересы, стр. 27). И потому человѣчество должно сдѣлать своею цѣлію общую экспропріацію всѣхъ средствъ производства.

Люди, далѣе, несчастны потому, что ведутъ хозяйство ради прибыли. «Оно развиваетъ стремленіе понижать заработную плату, удлинять рабочее время, эксплоатировать женщинъ и дѣтей, выбрасывать на улицу рабочихъ, чтобы замѣнять ихъ машинами и т. д.,—словомъ, стремленіе принять всѣ тѣ способы, которые служатъ тенденціей къ обнищанію рабочаго, къ его униженію и усиленному порабощенію» (Ibid., стр. 28). Положеніе рабочаго люда значительно ухудшается еще вслѣдствіе того, что при такомъ хозяйствѣ «съ одной стороны накопляются большія массы капитала, который ищетъ производительнаго примѣненія, съ другой—образуется излишекъ продукта надъ потребленіемъ рабочаго. Эти факторы, въ своемъ

взаимодѣйствій, порождаютъ съ естественной необходимостью повторяющіеся кризисы, которые усиливаютъ муки порабощенія и дѣлаютъ судьбу пролетаріевъ сходною съ судьбою рабовъ и крѣпостныхъ прежнихъ временъ» (А. Бебель. Соціализація общества. Стр. 3).

Нужно уничтожить подобнаго рода хозяйство и ввести, взамѣнъ его, коммунистическое, при которомъ люди будутъ работать для удовлетворенія своихъ потребностей, а не ради прибыли. «Это создастъ для общества, по словамъ А. Бебеля, новую основу, вслѣдствіе чего всѣ условія жизни и труда для обоихъ половъ въ промышленности, земледѣліи, торговлѣ, условія воспитанія и брака, условія научной, художественной и общественной жизни кореннымъ образомъ измѣнятся» (Ibid., стр. 3). Тогда явится возможность осуществить то, что не можетъ быть осуществлено при современномъ строѣ жизни.

Ожидаемая экспропріація не только послужитъ источникомъ матеріальнаго человѣческаго счастія, но и дастъ человѣчеству нравственное удовлетвореніе, такъ какъ явится осуществленіемъ высшей правды въ противоположность нынѣшней неправдѣ буржуазіи. «Когда общество въ будущемъ возьметъ въ свои руки ту собственность, которую создала клика угнетателей и паразитовъ, самозванно выдававшая себя за общество и взиравшая на массы—это истинное общество,—какъ на плебсъ и каналью, то оно совершитъ наиболѣе замѣчательный и въ высшей степени законный и справедливый актъ, вопреки всѣмъ увѣреніямъ защитниковъ священной собственности. Ибо при этомъ рѣчь будетъ идти не о томъ, чтобы подавить однихъ въ интересахъ другихъ, но о томъ, чтобы обезпечить для всѣхъ одинаковыя условія существованія, дать каждому возможность вести человѣческій образъ жизни» (Соціализація общества, стр. 7).

Экспропріаціей частной собственности и введеніемъ коммунистическаго хозяйства завершится подготовительная работа соціализма, такъ называемая соціализація общества. Эти два акта послужатъ какъ бы фундаментомъ для будущаго зданія человѣческаго счастія. Главнымъ и единственнымъ источникомъ счастія будетъ служить равномѣрное распредѣленіе между всѣми людьми матеріальныхъ благъ, а единственною цѣлію соціализированнаго общества будетъ стараніе поддерживать равномѣрность этого распредѣленія и по возможности увеличивать общую сумму богатства, выгодъ и жизненныхъ удовольствій. Для достиженія этой цѣли соціализированное об-

щество вынуждено будетъ ввести обязательный трудъ для всѣхъ способныхъ къ нему безъ различія пола. Горечь этого неизбѣжнаго зла соціализмъ старается позолотить разными довольно сомнительными обѣщаніями. Условія и характеръ труда въ соціализированномъ обществѣ совершенно измѣнятся. Трудъ не будетъ уже разсматриваться какъ наказаніе. Всѣмъ будетъ предоставлена свобода выбора труда, вслѣдствіе чего онъ будетъ вполнѣ соотвѣтствовать способностямъ и призванію человѣка. Цѣлію труда станетъ удовлетвореніе собственныхъ потребностей трудящагося. Это въ значительной степени облегчитъ горечь труда, придастъ ему больше энергіи, сознательности и нравственнаго удовлетворенія вслѣдствіе убѣжденія, что этотъ трудъ, кромѣ собственнаго благосостоянія, обезпечитъ и всѣмъ другимъ людямъ наивысшую мѣру въ удовольствіяхъ жизни. Умъ и таланты не будутъ гибнуть, какъ теперь, вслѣдствіе эксплоатаціи. Въ производствѣ будетъ занято все трудоспособное мужское населеніе, всѣ будутъ заинтересованы въ большей производительности труда, поэтому и продолжительность труда значительно сократится. Люди будутъ ежедневно работать среднимъ числомъ только $2^1/_2$ часа въ день, а то и меньше. Вслѣдствіе развитія и усовершенствованія техники, «самыя опасныя профессіи, какъ горное дѣло, химическія предпріятія, сдѣлаются для рабочихъ вполнѣ безопасными» (Ibid., стр. 28). Соціализмъ «сдѣлаетъ самый процессъ труда источникомъ наслажденія и создастъ такое соревнованіе между работниками, какого мы не встрѣчаемъ нигдѣ» (Ibid., стр. 16).

Впрочемъ, съ милостиваго разрѣшенія Бебеля, «если кому вздумается добровольно работать за другого, чтобы дать тому возможность предаться беззаботному препровожденію времени, и захочетъ онъ дѣлить съ нимъ свою долю общественныхъ продуктовъ, никто не воспретитъ ему этого» (Ibid., стр. 46). И репутація любителя беззаботнаго препровожденія времени отъ этого не пострадаетъ, ибо въ новомъ обществѣ не будетъ различія между лѣнивыми и прилежными, дураками и умными (стр. 47).

Благодаря равномѣрному распредѣленію благъ, всѣ люди будутъ сыты, одѣты и обуты. «Будутъ удовлетворены всѣ потребности, даже такія, удовлетвореніе которыхъ въ наше время доступно лишь незначительному меньшинству» (стр. 25). Въ силу прекращенія эксплоатаціи, на землѣ не будетъ больше ни власти, ни подчиненія; всѣ будутъ равны, свободны, будутъ принимать участіе въ выборахъ и управленіи государ-

ствомъ. Всѣ отношенія будутъ урегулированы, всѣ будутъ связаны тѣсными узами солидарности (Ibid., стр. 15). «Удовлетвореніе личнаго эгоистическаго интереса и содѣйствіе общественному благу будутъ сходиться другъ съ другомъ въ гармоніи. Стремленіе общества удовлетворить всѣ потребности всѣхъ членовъ, при возможно меньшей продолжительности труда, приведетъ человѣка къ полному господству надъ природой. Человѣкъ покоритъ своей власти электрическую стихію и посредствомъ ея будетъ творить чудеса: будетъ простые элементы матеріи превращать непосредственно въ пищу». Съ теченіемъ времени «удастся получить искусственнымъ путемъ углеводороды, какъ, напримѣръ, виноградный сахаръ, а также крахмалъ, что дастъ возможность дѣлать изъ камня хлѣбъ» (Ibid., стр. 33). «Но все это лишь начало. Будущее принесетъ съ собою рѣшеніе, несомнѣнно, еще болѣе важныхъ проблемъ: въ 2000-мъ году не будетъ болѣе сельскаго хозяйства и крестьянъ, ибо химія сдѣлаетъ излишнимъ земледѣліе. Не будетъ болѣе угольныхъ шахтъ, прекратятся и стачки углекоповъ; мѣсто горючихъ матеріаловъ займутъ химическіе и физическіе процессы; таможенныя пошлины и войны будутъ отмѣнены; воздухоплаваніе замѣнитъ нынѣшніе способы передвиженія (Ibid., стр. 34). Будутъ найдены новые неисчерпаемые источники силы: вмѣсто пара, явится возможность «использовать солнечную теплоту и тотъ запасъ тепловой энергіи, который скрытъ въ раскаленномъ ядрѣ земного шара» посредствомъ пробуравливанія шахтъ отъ 3000 до 4000 метровъ глубины. «При помощи земной теплоты можно будетъ разрѣшить многочисленныя химическія проблемы и между ними наиболѣе возможную—изготовленіе пищи химическимъ путемъ» (стр. 35). «То, что до сихъ поръ вырабатывали растенія, будетъ впредь дѣлать промышленность и, пожалуй, еще совершеннѣе, чѣмъ природа. Наступитъ время, когда каждый будетъ носить съ собою коробочку съ химическими веществами; изъ нея онъ будетъ покрывать свою потребность въ бѣлкахъ, жировыхъ веществахъ и углеводородахъ, внѣ всякой зависимости отъ времени дня и года, дождя и засухи, морозовъ, града и прожорливыхъ насѣкомыхъ. Пахатныя поля, виноградники, луга исчезнутъ... Исчезнетъ различіе между плодородными и не плодородными мѣстностями, и весьма возможно, что пустыни сдѣлаются любимымъ мѣстопребываніемъ людей» (Ibid., стр. 35—36). Еще болѣе счастливое время настанетъ, когда распадется и исчезнетъ нынѣшнее государство. «Сотни тысячъ

представителей государства возьмутся тогда за различныя профессіи и будутъ содѣйствовать умноженію богатства и удобствъ общества». Но высшаго торжества достигнетъ человѣчество, когда будетъ отмѣнена религія. «Богъ не будетъ свергнутъ», говоритъ Бебель, у людей «не станутъ вырывать изъ сердца религію». Религія постепенно исчезнетъ безъ всякаго насилія и безъ всякаго подавленія (стр. 87—88). Соціалистическая культура доведетъ людей до сознанія, что «не боги создали людей, а, наоборотъ, люди создаютъ себѣ боговъ. Человѣкъ сотворилъ Бога по образу и подобію своему, а не наоборотъ». Когда человѣчество освободится отъ подчиненія Богу, оно не будетъ «знать никакихъ сторонніхъ соображеній. Его девизомъ будетъ прогрессъ человѣчества и подлинная наука» (стр. 89). И нравственность безъ этого суевѣрія только процвѣтетъ. Насытившись, одѣвшись и обувшись по моделямъ соціализма, люди совершенно измѣнятся. Среди нихъ послѣ этого не будетъ ни политическихъ, ни уголовныхъ преступленій и преступниковъ. Воры исчезнутъ, такъ какъ не будетъ частной собственности, и каждый будетъ въ состояніи въ новомъ обществѣ съ легкостію и удобствомъ удовлетворять свои потребности трудомъ, подобно всѣмъ остальнымъ. Точно также не останется болѣе босяковъ и бродягъ (стр. 86). Не будетъ ни убійствъ, ни поджоговъ, ибо, во 1-хъ, тогда нельзя будетъ обогатиться на счетъ другого, во 2-хъ, при всеобщей сытости, всякій поводъ къ ненависти будетъ уничтоженъ. И воспитаніе въ новомъ обществѣ будетъ надлежащимъ образомъ урегулировано и поставлено подъ разумный контроль. Благодаря этому, исчезнетъ безнравственность, присущая въ особенности молодежи нашихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, такъ какъ теперь она вызывается и усиливается безтолочью и безпокойствомъ семейной и развращающимъ вліяніемъ общественной жизни, богатствомъ, растлѣвающей литературой и т. д.» (стр. 102).

Старики, больные и увѣчные въ новомъ обществѣ не будутъ жить подачками и милостыней, а будутъ имѣть право на общественную помощь. Общество украситъ ихъ закатъ всѣмъ, что только будетъ въ его распоряженіи. Ибо всякій надѣется, что и онъ будетъ пользоваться такимъ же вниманіемъ, когда станетъ старикомъ. Такимъ образомъ, всѣ бѣдствія, гнетущія человѣчество нынѣ, по мановенію волшебнаго жезла соціалистовъ, исчезнутъ. Останется непобѣдимымъ одинъ врагъ—смерть. Впрочемъ, соціалисты и тутъ не унываютъ. Они стараются утѣшить себя и своихъ послѣдователей обѣщаніемъ, что болѣзни

въ новомъ обществѣ не будутъ имѣть теперешней силы, и естественная смерть станетъ постепенно общимъ достояніемъ. «Духовное и физическое состояніе общества, говоритъ Бебель, характеръ труда, жилищъ, питанія, одежды, публичная жизнь,—все будетъ, насколько возможно, предохранять отъ несчастныхъ случаевъ, заболѣваній и инвалидности. Убѣжденіе въ томъ, что рай—здѣсь, на землѣ и что вмѣстѣ со смертію кончается все существованіе, будетъ побуждать людей къ разумному пользованію жизнію. Ибо наслаждается больше всего тотъ, кто наслаждается долго». (Ibid., стр. 112).

Таково зданіе будущаго соціалистическаго счастія. Фасадъ его, какъ видите, старательно и ловко убранъ такими красивыми и заманчивыми вещами, какъ свобода, равенство, солидарность, прогрессъ, наука, нравственность, справедливость и т. п. Но внутреннее помѣщеніе, скрывающееся за этой блестящей стѣной, скорѣе напоминаетъ собою отдѣленіе на сельскохозяйственной выставкѣ для породистыхъ представителей благородныхъ четвероногихъ, чѣмъ райскія селенія. Въ соціалистическомъ раѣ все сводится къ одному: къ сытой спокойной скотской жизни и безмятежному ничегонедѣланію. Трудъ, о которомъ такъ часто и такъ много говоритъ соціализмъ, какъ условіе умственнаго прогресса и нравственнаго усовершенствованія, непонятенъ строителямъ соціалистическаго счастія. Они знаютъ трудъ только какъ средство для того, чтобы ѣсть и пить,—средство неизбѣжное и потому только терпимое. Въ сущности же къ труду соціализмъ питаетъ органическое отвращеніе. Даже 2 часовой трудъ противенъ ему, и смотрите, съ какимъ упоеніемъ соціализмъ мечтаетъ о томъ времени, когда всѣ отрасли труда, кромѣ занятій химіей, исчезнутъ и онъ запасется волшебной «химической коробочкой», при обладаніи которой будетъ имѣть возможность погрузиться въ совершенное бездѣлье.

Такое счастье было-бы пригодно для человѣка, если бы наукою дѣйствительно было доказано, что человѣкъ—только животное, и больше ничего, что отъ другихъ животныхъ онъ отличается единственно лишь своею соціальностью, или общественностью. Но это положеніе соціализма прямо опровергается данными новѣйшаго естествознанія. Послѣднее показываетъ, что общественность, или соціальность, составляетъ столь же существенный признакъ и для нѣкоторыхъ животныхъ, напримѣръ, муравьевъ.

По изслѣдованіямъ извѣстнаго англійскаго естествоиспытателя сэра Джона Леббока, «гнѣзда муравьевъ—не простыя со-

бранія независимыхъ особей и не временныя сообщества, какъ стаи перелетныхъ птицъ, но организованныя общежитія, трудящіяся съ величайшимъ согласіемъ ради общаго блага» (Муравьи, пчелы и осы. Спб. 1884 г., стр. 92). Эти общежитія мало чѣмъ уступаютъ человѣческимъ по своей многочисленности, сложности общественной организаціи, постепенности культурнаго развитія, чрезвычайной крѣпости и устойчивости общественной связи и удивительной солидарности въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается общаго блага. Въ муравьиныхъ гнѣздахъ господствуетъ поразительное раздѣленіе труда. Есть тамъ и воины, снабженные непомѣрно развитыми челюстями, на подобіе клещей, которыми они схватываютъ и отрываютъ головы враговъ; есть рабочіе, поражающіе своимъ трудолюбіемъ и искусствомъ; есть господа, отличающіеся непомѣрной лѣнью и полной неспособностью къ работѣ, есть, наконецъ, рабы, по преимуществу изъ другихъ породъ муравьевъ.

Условія жизни муравьевъ различныхъ породъ представляютъ соотвѣтствіе съ тремя главными стадіями человѣческаго развитія: охотничьей, пастушеской и земледѣльческой. Одни виды муравьевъ (formica fusca) живутъ тѣмъ, что добываютъ на охотѣ; прирученныхъ животныхъ не имѣютъ; подобно охотничьимъ расамъ людей, бродятъ по лѣсамъ и пустынямъ. Другіе (lassius flavus) приручили извѣстные виды медоточивыхъ тлей и питаются отъ нихъ, подобно пастушескимъ племенамъ людей, живущихъ отъ своихъ стадъ. Третьи питаются главнымъ образомъ собираемыми ими обильными запасами растительныхъ продуктовъ, для чего толпы ихъ рабочихъ искусно перерѣзаютъ, какъ бы жнутъ травяные стебли и черенки листьевъ. Они приручили себѣ большое количество разнообразныхъ домашнихъ животныхъ, изъ которыхъ одни служатъ для питанія (Линней называетъ ихъ муравьиными коровами), другія употребляются для работъ, третьи держатся для забавы.

Между муравьями, принадлежащими къ одному и тому же обществу, царствуетъ полное согласіе и солидарность. Во всѣхъ случаяхъ, когда отдѣльный муравей предпринимаетъ что-нибудь полезное для всѣхъ, но это предпріятіе превышаетъ его собственныя силы, то онъ неизмѣнно встрѣчаетъ поддержку со стороны другихъ.

На основаніи сказаннаго необходимо признать одно изъ двухъ: или соціальность есть дѣйствительно отличительный существенный признакъ человѣка, и тогда между человѣкомъ и муравьемъ нѣтъ существенной разницы, что представляетъ

очевидную нелѣпость, или же человѣкъ существенно отличается отъ муравья, и тогда онъ не есть только соціальное животное. Открытый Марксомъ для доказательства той мысли, что человѣкъ—только животное, законъ историческаго развитія, по которому будто бы единственной движущей силой исторіи являются законы экономическіе, вслѣдствіе чего производство матеріальныхъ средствъ къ существованію будто бы образуетъ основу всей дух. жизни, также не выдерживаетъ критики. Экономическая дѣятельность есть только одна изъ многочисленныхъ сторонъ дѣятельности человѣка, сама по себѣ не имѣетъ значенія и тѣмъ болѣе не составляетъ его сущности. Если иногда экономическіе и матеріальные интересы господствуютъ въ ущербъ или даже въ подавленіе всѣхъ другихъ, то подобное явленіе свидѣтельствуетъ лишь объ общественномъ разложеніи. Общество, какъ и отдѣльный человѣкъ, есть живой и дѣятельный организмъ, и какъ въ тѣлесномъ организмѣ человѣка химическія и физіологическія функціи подчинены высшему началу жизни, такъ въ организмѣ общественномъ экономическія и матеріальныя начала должны подчиняться началамъ идеальнымъ, духовнымъ, организующимъ. Свободная, ничему не подчиненная игра химическихъ процессовъ возможна только въ трупѣ. Полное преобладаніе интересовъ матеріальныхъ и экономическихъ надъ всѣми другими возможно только въ обществѣ разлагающемся.

Тотъ фактъ, что «люди должны ѣсть, пить, имѣть кровъ и одѣваться прежде, чѣмъ они въ состояніи заниматься политикой, наукой, искусствомъ и религіей, показываетъ не то, что человѣкъ — только животное, а то, что человѣкъ — не ангелъ, что, кромѣ духа, онъ имѣетъ и тѣло, которое, какъ и все органическое въ природѣ, подвержено извѣстнымъ физіологическимъ и химическимъ законамъ, нарушеніе которыхъ влечетъ за собою его смерть. Такъ какъ тѣло есть необходимое условіе земной жизни человѣческаго духа и орудіе его дѣятельности, то естественно, что духъ человѣка, желая продолжать свое существованіе въ земныхъ условіяхъ, прежде всего заботится о томъ, чтобы удовлетворить потребности тѣла, подобно тому, какъ ремесленникъ или художникъ прежде, чѣмъ приняться за работу, приводитъ въ порядокъ необходимые для нея инструменты. Но *неодолимой* необходимости для человѣка въ этомъ удовлетвореніи нѣтъ. Человѣкъ можетъ, въ силу различныхъ психологическихъ побужденій, не только временно бороться съ потребностью въ пищѣ и питьѣ, не смотря на ея роковой ха-

рактеръ (подвижники), но и совершенно игнорировать ее, не удовлетворять до тѣхъ поръ, пока самое тѣло перестанетъ существовать (самоубійцы) [1]). Ясно, что весь человѣкъ не исчерпывается его матеріальной природой, что есть въ немъ другое начало, господствующее надъ законами жизни его тѣла, что необходимость пищи и питія является роковою для тѣла человѣка, подверженнаго естественнымъ законамъ необходимости, но не для человѣка, какъ такового.

Чтобы имѣть право утверждать, будто «производство матеріальныхъ средствъ къ существованію образуетъ основу всей духовной жизни», нужно бы доказать, что первоначально у человѣка ничего, кромѣ потребности ѣсть, пить и одѣваться, не бываетъ и быть не можетъ. Историческій и личный опытъ показываютъ однако совершенно обратное: нѣтъ ни одного, самаго низкаго состоянія въ жизни человѣка, на которомъ бы эта матеріальная необходимость не сопровождалась нравственнымъ элементомъ. Уже грудной ребенокъ, съ безпокойствомъ ища груди матери, не только стремится удовлетворить свою естественную потребность въ пищѣ, но и обнаруживаетъ нравственное влеченіе къ матери. Если-бы у дѣтей говорила исключительно физіологическая потребность ѣсть, то не все ли равно было бы для ребенка, чья грудь удовлетворила эту потребность? Почему же онъ ищетъ груди матери? Почему только у груди послѣдней находитъ удовлетвореніе? То же и въ жизни народовъ и отдѣльныхъ людей. «Нужда, по справедливому замѣчанію Вл. Соловьева, заставляетъ дикаря—полузвѣря промышлять себѣ средства къ жизни, но при этомъ онъ можетъ или думать только о себѣ одномъ, или же въ свою нужду включать также нужду своей самки и дѣтенышей. Если ловъ былъ неудаченъ, онъ можетъ подѣлиться съ ними и скудною добычею, оставаясь самъ впроголодь, или же можетъ забрать себѣ все, а ихъ бросить на произволъ судьбы, или, наконецъ, можетъ убить ихъ съ тѣмъ, чтобы наѣсться ихъ мяса» (Собр. соч. Вл. С. Соловьева, т. 7, стр. 340). Но на какомъ бы изъ этихъ способовъ дѣйствія онъ ни остановился, для всякаго очевидно, что выборъ его не только сопровождается, а и предваряется извѣстнымъ нравственнымъ обсужденіемъ, и что слѣдов., способъ удовлетворенія матеріальныхъ потребностей обусловливается степенью нравственнаго развитія, а не какимъ-то роковымъ дѣйствіемъ политико-экономическихъ законовъ.

[1]) Съ этой способностью человѣка знакомы по собственному опыту и многіе соціалисты, неоднократно прибѣгавшіе къ такъ называемымъ голодовкамъ.

Даже экономическая дѣятельность, вопреки увѣреніямъ Маркса, кромѣ удовлетворенія матеріальныхъ потребностей, имѣетъ и другія движущія причины. Необходимость удовлетворенія потребностей тѣла служитъ только толчкомъ, вынуждающимъ человѣка къ дѣятельности, дальнѣйшій же ходъ ея обусловливается причинами психологическими и нравственными. Если-бы было иначе, то, съ удовлетвореніемъ естественныхъ потребностей, человѣкъ терялъ бы импульсъ къ дальнѣйшей дѣятельности, и самая экономическая дѣятельность производилась бы по мѣрѣ возникновенія потребности, подтвержденіе чему мы видимъ въ мірѣ животныхъ.

Такъ называемые экономическіе или, по терминологіи Бебеля, имманентные законы, якобы управляющіе жизнію человѣчества, независимо отъ его воли, и для него *безусловно* необходимые, ничего подобнаго въ дѣйствительности не представляютъ. Извѣстенъ, напримѣръ, экономическій законъ, согласно которому цѣна товаровъ опредѣляется отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ. Но что этотъ законъ лишенъ характера необходимости, видно изъ того, что всякій товаровладѣлецъ, не смотря на усилившійся спросъ и понизившееся предложеніе, по нравственнымъ и психологическимъ побужденіямъ, можетъ не только не повышать цѣны, но даже понизить ее, и отъ этого нарушенія закона ровно ничего не произойдетъ. Подобные примѣры и бывали нерѣдко въ годины тяжелыхъ общественныхъ бѣдствій. И если ихъ немного, и появляются они въ случаяхъ исключительныхъ, то это доказываетъ не силу экономич. закона, а слабость людской добродѣтели. Таковы и другіе экономическіе законы. Они существуютъ скорѣе въ воображеніи соціалистовъ, чѣмъ въ дѣйствительности.

Что идеальная, духовная сторона въ человѣкѣ, его совѣсть и умъ, даютъ направленіе его экономической дѣятельности и порождаютъ тѣ или иныя производственныя отношенія, а не наоборотъ, яснѣе всего подтверждаютъ тѣ многочисленные историческіе факты, когда извѣстныя общественныя группы, въ силу усвоенныхъ ими религіозно-нравственныхъ или философскихъ доктринъ, устраивали свою жизнь такъ, что неодолимыя съ точки зрѣнія соціализма экономическія отношенія совершенно не играли никакой роли въ ихъ жизни.

Наиболѣе яркій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ собою христіанство, особенно на первыхъ порахъ сво его существованія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ объяснить съ соціалистической точки зрѣнія эту самоотверженную любовь

христіанъ, имѣвшихъ какъ бы одно сердце и одну душу? Вѣдь классовыя противорѣчія и вражда и тогда существовали и проявлялись даже въ значительно большей степени, чѣмъ теперь, откуда же это необъяснимое любовное единеніе патриція и плебея, эллина и іудея, раба и его господина? Куда дѣвались бебелевскіе имманентные законы, по которымъ, съ неизбѣжною необходимостію развивается общество? Почему они не имѣли никакого вліянія на христіанъ? Какъ могли заниматься религіей и общественной нравственностью эти всюду гонимые и преслѣдуемые бѣдняки, которые не имѣли, гдѣ главу подклонить, и часто въ буквальномъ смыслѣ голодали, если для того, чтобы заниматься этимъ, люди прежде должны ѣсть, пить и имѣть кровъ? Представители соціализма пытаются объяснить образцовую жизнь первыхъ христіанъ тѣмъ, что будтобы у нихъ была уничтожена частная собственность и что христіанская община построена была на началахъ коммунизма, ибо они ничего не считали своимъ и, продавая имущество, отдавали вырученныя деньги въ общую казну (Дѣян. 2, 34, 35; 4, 32, 34, 35). Но означенное утвержденіе прямо опровергается словами ап. Петра, обращенными къ Ананіи: «Чѣмъ ты владѣлъ, *не твое ли* было, и пріобрѣтенное продажею *не въ твоей ли власти* находилось?» (Дѣян. 5, 4).

Ясно, что продажа имѣній и внесеніе въ общую казну стоимости проданнаго не было слѣдствіемъ отрицанія собственности. И, дѣйствительно, при общеніи имущества, среди христіанъ продолжала существовать и частная собственность.

Когда ангелъ Господень освободилъ ап. Петра изъ темницы и спасъ отъ руки Ирода, то онъ, по словамъ кн. Дѣяній св. Апостоловъ, осмотрѣвшись, пришелъ къ дому Маріи, матери Іоанна. Такимъ образомъ, общеніе имѣній не помѣшало матери Іоанна имѣть собственный домъ, въ которомъ собирались и молились многіе. Слѣдовательно, и самое общеніе имѣнія было совсѣмъ не то же, что экспропріація имуществъ и коммунизмъ.

Впрочемъ, экспропріація и коммунизмъ въ христіанствѣ — не менѣе необъяснимое съ точки зрѣнія соціализма явленіе. Если для основанія общества на соціалистическихъ началахъ коммунизма необходимо, по словамъ соціалистовъ, познаніе тайны историческаго развитія человѣчества, отысканіе движущихъ причинъ исторіи, а эта тайна «могла быть раскрыта только на извѣстномъ уровнѣ развитія человѣчества» и дѣйствительно открыта въ первый разъ Карл. Марксомъ, то спра-

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧ. АКАДЕМІИ

шивается, какимъ образомъ могъ возникнуть коммунизмъ въ христіанствѣ, которое ни въ какомъ случаѣ не могло обладать тайною соціалистическаго развитія и прямо отрицало принципы, проповѣдуемые соціализмомъ?

Усвоенный соціализмомъ неправильный взглядъ на природу человѣка съ неизбѣжностью долженъ привести его, какъ привелъ уже французскую революцію, къ полному банкротству и разочарованію. Соціализмъ въ концѣ концовъ выродится въ такія же, если не болѣе чудовищныя формы притѣсненій и насилія, какъ и бранимая имъ буржуазія. Ибо *по существу своему* соціализмъ есть то же, что и буржуазія. Признавъ за матеріальною стороной человѣческой жизни самостоятельное и принципіальное значеніе, соціализмъ совершенно уничтожилъ внутреннее различіе между собою и буржуазіей. У соціализма тотъ же девизъ, что и у буржуазіи, — признаніе, что о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ. И здѣсь, и тамъ человѣкъ берется, какъ экономическій дѣятель, отвлеченно отъ другихъ сторонъ его жизни и дѣятельности и высшею цѣлью жизни ставится матеріальное благосостояніе. Разница только въ объемѣ его осуществленія: буржуазія имѣетъ въ виду осуществленіе матеріальнаго благосостоянія меньшинства, составляющаго классъ капиталистовъ, соціализмъ же мечтаетъ объ удовлетвореніи рабочаго большинства — пролетаріата. Соціализмъ даже строже и послѣдовательнѣе, чѣмъ буржуазія, проводитъ принципъ матеріальнаго интереса: буржуазія, практически придавая господствующее значеніе матеріальнымъ интересамъ предъ остальными сторонами жизни, теоретически признаетъ существованіе другихъ жизненныхъ началъ, каковы религія, нравственность, церковь; соціализмъ же, стремясь свести всю жизнь человѣчества къ однимъ исключительно низшимъ интересамъ и отрицая всѣ другія жизненныя начала, и притомъ не практически только, а и теоретически, представляетъ собою крайнее выраженіе, завершеніе буржуазной цивилизаціи, порожденной французской революціей.

Родство между соціализмомъ и буржуазіей сказывается даже тамъ гдѣ, повидимому, между ними существуетъ полная противоположность,—въ вопросѣ объ отношеніяхъ къ рабочему пролетаріату. Соціализмъ возмущается эксплоатаціей пролетаріата буржуазіей, но протестъ его лишенъ принципіальнаго значенія. Въ рабочемъ соціализмъ, какъ и буржуазія, видитъ только экономическаго дѣятеля, т. е. рабочую силу, своего рода ломовую лошадь, даже хуже того, нѣчто вродѣ бездушной ваго-

нетки, подгоняемой соціалистическими руководителями труда, куда имъ лично хочется, а такой взглядъ въ существѣ своемъ не заключаетъ ничего такого, что гарантировало бы рабочихъ отъ эксплоатаціи руководителей соціализма.

Насколько мало дѣйствительно соціализмъ гарантируетъ пролетаріатъ, показываетъ практика соціалистическихъ обществъ. Вотъ что извѣстно о соціалистахъ. Соціалистъ Лассаль получалъ за интимныя отношенія пожизненную пенсію въ 7 тысячъ марокъ въ годъ отъ представительницы «ненавистной» буржуазіи, графини Гацфельдъ, нисколько не смущаясь тѣмъ, что эти семь тысячъ пріобрѣтались путемъ эксплоатаціи защищаемаго имъ пролетаріата. Бебель, проповѣдующій экспропріацію капиталистическаго достоянія въ пользу пролетаріата, живетъ въ роскоши, изъ токаря давно обратился въ собственника великолѣпнаго имѣнія, пріобрѣтеннаго на гроши того же пролетаріата. У Фольмара, какъ и у нашего Горькаго, мечущаго громы и молніи на мѣщанство собственности,—чудныя виллы и имѣнія. Дицъ получаетъ больше, чѣмъ германскій бюрократъ-буржуа канцлеръ. Либкнехтъ за одно редакторство газеты получалъ 7200 марокъ. Оклады въ 5, 6 и 7 тысячъ для представителей пролетаріата, влачащаго полуголодное существованіе, — обыкновенное явленіе. И все это берется изъ сбора рабочихъ, которые, такимъ образомъ, путемъ собственнаго лишенія доставляютъ врагамъ буржуазіи буржуазное существованіе. Одинъ судебный процессъ обнаружилъ, что соціалистическій депутатъ Фохтгеръ взялъ изъ кассы партіи десять тысячъ марокъ на уплату своихъ частныхъ долговъ. А вотъ каково положеніе рабочихъ въ соціалистическихъ предпріятіяхъ. Въ типографіи извѣстной соціалистической газеты «Впередъ», которую редактировалъ Либкнехтъ, не соблюдается ни 8 часовой рабочій день, ни воскресный отдыхъ, ни участіе рабочихъ въ прибыляхъ. Работа не прекращается тамъ и на ночь. Температура у ротаціонныхъ машинъ доходитъ до 28°; работу задаютъ непосильную и часто постороннюю. Между тѣмъ газета даетъ громадные барыши, шестьсотъ тысячъ марокъ чистой прибыли въ годъ. Въ другихъ соціалистическихъ предпріятіяхъ работаютъ 18 часовъ въ сутки. Мастера соціалистической булочной въ Берлинѣ жаловались, что здѣсь съ ними обращаются хуже, чѣмъ гдѣ либо, а мастера гамбургской соціалистической пекарни даже прекращали работу и устраивали забастовку.

Соціалистическія мастерскія и потребительныя товарищества разоряются, ибо въ принадлежащихъ партіи лавкахъ

товаръ продается дороже и хуже. Въ берлинской и вѣнской соціалистическихъ больничныхъ кассахъ писцы получаютъ нищенское содержаніе, а члены совѣта—огромные оклады. Извѣстный въ Берлинѣ соціалистъ Зингеръ, очень богатый человѣкъ, содержатель обширнаго промышленнаго предпріятія, платитъ мастерицамъ своего заведенія грошевое содержаніе. Въ отвѣтъ на требованіе прибавки, мастерицамъ съ истинно соціалистической откровенностью заявили, что дополнительное содержаніе онѣ могли бы получать отъ мужчинъ. То же повторялось во Франціи, Бельгіи и другихъ мѣстахъ. Дѣло не разъ доходило даже до судебныхъ разбирательствъ. Соціалъ-демократы нашей 1-й Государственной Думы, пролившіе немало слезъ о голодѣ и нищетѣ крестьянъ, о полуголодномъ существованіи рабочихъ, совершенно забыли объ этомъ, когда рѣчь зашла о думскихъ штатахъ, и едва не ввели въ обиходъ думы лордовскихъ окладовъ жалованья членамъ думскаго президіума.

Но предположимъ, что указанные факты—случайное и временное явленіе, что впослѣдствіи соціализмъ достигнетъ равномѣрнаго распредѣленія матеріальнаго благосостоянія между людьми. Спрашивается, можетъ ли это распредѣленіе претендовать на значеніе какого-то безусловнаго нравственнаго принципа, на осуществленіе высшей правды въ общественныхъ отношеніяхъ въ противоположность неправдѣ общественныхъ отношеній въ буржуазіи и дѣйствительно ли дастъ человѣку обѣщаемое соціализмомъ нравственное удовлетвореніе? Отвѣтъ на это можетъ быть только отрицательный. Въ самомъ дѣлѣ, если матеріальное благосостояніе въ соціалистическомъ общественномъ идеалѣ является цѣлью само по себѣ, то стремленіе къ нему не можетъ имѣть никакого нравственнаго значенія, ибо оно является только натуральнымъ фактомъ матеріальной природы человѣка, эгоистическимъ въ своемъ существѣ. Если для соціализма равномѣрное распредѣленіе благосостоянія является только средствомъ для осуществленія справедливости въ отношеніи къ пролетаріату, то и въ такомъ случаѣ его нельзя признать безусловнымъ нравственнымъ принципомъ. Ибо требованіе пролетаріата въ основѣ своей имѣетъ свое собственное личное благосостояніе и потому своекорыстно, а самый пролетаріатъ, поскольку онъ начинаетъ заботиться исключительно о своемъ матеріальномъ благосостояніи, изъ борца за правду превращается въ своекорыстнаго противника буржуазіи и теряетъ всякое нравственное преимущество предъ послѣдней. Если даже пролетаріатъ въ стремленіи къ матеріальному благо-

состоянію требуетъ того, что принадлежитъ ему по справедливости то и такое требованіе можно признать только юридическимъ, а не нравственнымъ, и бобрать свое есть только право, а не заслуга и достоинство. Можно, наконецъ, предположить, что, требуя экономическаго равенства, соціализмъ думаетъ не о своемъ благосостояніи, а объ осуществленіи правды безотносительно къ тѣмъ, кто это требованіе заявляетъ. Но въ такомъ случаѣ онъ противорѣчитъ самъ себѣ. Признавая неправдой общественной эгоизмъ богатыхъ и правящихъ классовъ общества, заставляющій ихъ заботиться о себѣ, въ ущербъ интересамъ другихъ, онъ, вмѣсто того, чтобы противопоставить ему противоположный принципъ самоограниченія, утверждаетъ тотъ же принципъ, только примѣняетъ его къ другому классу—пролетаріату. Въ результатѣ получается какая-то готтентотская мораль, напоминающая нравственныя воззрѣнія того кафра, который говорилъ, что хорошо то, когда онъ уводитъ чужихъ коровъ, а худо, когда у него уводятъ другіе. Теперь посмотримъ, возможно ли, при соціалистическомъ воззрѣніи на природу человѣка, осуществленіе принциповъ свободы, равенства и братства. Для фактическаго осуществленія всеобщей свободы нужно, въ 1-хъ, признаніе за всякимъ человѣкомъ, независимо отъ его внѣшняго положенія и природныхъ качествъ, права на свободу; во 2-хъ, добровольное безъ всякаго внѣшняго давленія, а исключительно по внутреннему влеченію, согласіе людей подчиняться обязательному для всѣхъ общественному закону; въ 3-хъ, авторитетъ и сила, которые, побуждая человѣка къ исполненію обязательнаго для всѣхъ закона, сообщали бы въ то же время человѣчеству способность на дѣлѣ не выходить изъ предѣловъ нравственно-обязательнаго. Ни одного изъ этихъ условій въ соціализмѣ нѣтъ. Для признанія права на свободу за всякимъ человѣкомъ необходимо убѣжденіе, что личность каждаго человѣка сама по себѣ имѣетъ значеніе и цѣнность. Такого убѣжденія совершенно чуждъ соціализмъ. Для соціализма человѣчество—стадо существъ, выродившихся изъ животныхъ и имѣющихъ цѣнность только въ стадѣ. Человѣческая личность исчезаетъ въ этой теоріи, какъ волна въ океанѣ. При такомъ взлядѣ на человѣка о свободѣ отдѣльныхъ личностей не можетъ быть и рѣчи. Каждый день на алтарь соціалистическаго бога приносятся кровавыя жертвы, и лишенный духа любви соціализмъ въ своей жизни представляетъ видимую и невидимую повѣсть кровавыхъ преступленій и жертвъ. Какъ показалъ печальный опытъ нашей революціи, бомба и браунингъ—

вотъ символы соціалистической свободы. Для достиженія второго необходимаго условія свободы, нужно, чтобы предлагаемый въ качествѣ обязательной цѣли принципъ въ самой природѣ своей заключалъ нѣчто единящее и одинаково цѣнное для всѣхъ людей. Но никогда возведенные въ принципъ эгоистическіе интересы матеріальной природы не могутъ вести къ единенію, и никогда всѣ люди не поклонятся добровольно этому жалкому богу соціализма. Пусть это будетъ меньшинство, но вѣдь оно должно будетъ подчиниться требованію большинства противъ воли, слѣдовательно, будетъ лишено внутренней свободы. Но даже, добровольно подчинившись соціалистическому принципу, люди не въ состояніи навсегда остаться вѣрными избранному ими началу, благодаря непрекращающемуся внутреннему разладу въ человѣкѣ. Гдѣ же найдетъ соціализмъ силу помочь благопріятному для него исходу внутренней борьбы человѣка? Въ партійной дисциплинѣ, поддерживаемой револьверомъ и бомбой? Но чѣмъ тогда его свобода лучше бранимой имъ свободы либеральнаго капитализма?

Еще болѣе безнадежно положеніе въ соціализмѣ принципа равенства. Единственно возможное на землѣ, безъ нарушенія принципа свободы, равенство—это равенство нравственной природы нравственнаго достоинства человѣка. Какъ отблескъ божества на землѣ, искупленные и омытые безцѣнною кровію Сына Божія, усыновленные и облагодатствованные Духомъ Святымъ, люди одинаково равны предъ судомъ правды Божіей. Они равны какъ члены созданной на землѣ церкви Христовой, какъ одинаково способные достигать совершенствъ Отца Небеснаго. Это алмазы одинаковаго достоинства и цѣнности, но различной величины и въ неодинаковой оправѣ. Иного равенства, достойнаго человѣка, быть не можетъ. Ибо нѣтъ на землѣ и двухъ человѣкъ, которые по количеству и силѣ данныхъ имъ талантовъ были бы равны другъ другу во всемъ. Не можетъ быть такихъ людей и на небѣ, какъ не могутъ быть одинаковыми блескъ солнца, луны и звѣздъ. Въ этомъ и заключается отличительное свойство личности, что каждая личность представляетъ собою нѣчто особенное, исключительное, не тождественное по своимъ проявленіямъ съ другою. Поэтому мечта о достиженіи всеобщаго равенства людей въ отношеніи ихъ природныхъ свойствъ и качествъ—безуміе или признакъ полнаго духовнаго невѣжества, если не служитъ лишь заманчивымъ средствомъ пропаганды. Есть, впрочемъ, способъ достигнуть фактическаго равенства людей. Способъ этотъ указанъ Великимъ Инквизиторомъ

Достоевскаго. Онъ говоритъ: «пусть не подымается никто на слишкомъ высокія горы, пусть лучше все превратится въ плоскую равнину, всѣ уравняются въ земной посредственности». Да, людей можно уравнять, сдѣлавъ всѣхъ ихъ въ одинаковой степени животными, убивъ и заглушивъ въ нихъ то, чѣмъ человѣкъ отличается, какъ существо свободно-разумное. Къ этому и стремится соціализмъ, провозгласившій, что человѣкъ—только животное. Въ этомъ заключается самая опасная, самая гибельная сторона соціализма. Это огонь, который грозитъ сжечь и уничтожить все, что есть самаго святого и дорогого въ человѣкѣ и христіанинѣ. Это онъ порождаетъ всевозможныя «лиги свободной любви», «огарки» и подобныя скотскія организаціи; онъ плодитъ Саниныхъ, даетъ бомбистовъ, анархистовъ и экспропріаторовъ. На него должна быть направлена вся энергія борьбы, всѣ усилія, тѣмъ болѣе, что зло это имѣетъ столь легкій доступъ въ душу человѣка. Въ каждомъ изъ насъ сидитъ своего рода соціалистъ въ образѣ того «ветхаго человѣка», который тлѣетъ въ похотяхъ прелестныхъ, котораго побѣдилъ Христосъ, но котораго старается оживить «человѣкоубійца искони» въ лицѣ вѣрныхъ его служителей. До какого глубокаго несчастія можетъ довести человѣчество послѣдовательное проведеніе въ жизни принципа равенства при соціалистическомъ воззрѣніи на человѣка, трудно себѣ и представить. Англійскій писатель Джеромъ-Джеромъ въ своемъ юмористическомъ разсказѣ «Новая утонія» попытался въ беллетристической формѣ до нѣкоторой степени освѣтить будущія перспективы этого соціалистическаго «блага», и впечатлѣніе отъ разсказа получается крайне тяжелое. Въ самомъ писателѣ созерцаніе прелестей соціалистическаго равенства (къ счастію, дѣйствіе разсказа происходитъ во снѣ) сначала вызвало сильное желаніе напиться. Но оказалось, что соціалисты пьютъ только какао. Тогда ему пришла мысль о самоубійствѣ, какъ единственномъ исходѣ изъ «счастливой» соціалистической жизни. Этой мысли онъ тоже не могъ осуществить по независящимъ отъ него обстоятельствамъ. Тогда, чтобы разгадать тайну примиренія людей съ такой долей, Джеромъ сталъ всматриваться въ проходящихъ мужчинъ и женщинъ и былъ пораженъ выраженіемъ ихъ лица. «Это было то же спокойное, мутное и нѣсколько удивленное выраженіе, которое я, говоритъ Джеромъ, всегда наблюдалъ у лошадей и быковъ, которыхъ мы употребляли въ старомъ мірѣ для развода». Тогда онъ понялъ все.

Едва-ли надобно много распространяться о невозможности осуществленія въ соціалистическомъ обществѣ идеи братства. Сами соціалисты выбросили это слово изъ своего лексикона, замѣнивъ слово «братъ» словомъ «товарищъ», а слово «братство» словомъ «солидарность». Да и о какомъ братствѣ можетъ быть рѣчь тамъ, гдѣ, какъ говоритъ соціалистъ Менгеръ, основнымъ мотивомъ *всѣхъ* дѣйствій человѣка *навсегда* останется эгоизмъ и гдѣ никогда человѣкъ не полюбитъ своего ближняго, какъ самого себя. Товарищество, какъ чисто стадное влеченіе, понятно соціализму, какъ стаду соціальныхъ животныхъ, принципъ же братства, вытекающій изъ сознанія духовно-нравственнаго субстанціальнаго родства, совершенно чуждъ ему, какъ чуждъ стаду безсловесныхъ животныхъ.

Не заключая въ себѣ никакой внутренней цѣнности, не представляя данныхъ для обѣщаннаго осуществленія принциповъ свободы, равенства и братства, достиженіе равномѣрнаго распредѣленія матеріальнаго благосостоянія не дастъ успокоенія и мятущемуся сердцу человѣка. Жизнь—лучшее доказательство этого. Развѣ нѣкоторая часть людей и теперь не обладаетъ всею полнотою матеріальнаго благосостоянія? Что же? Чувствуютъ ли себя эти люди настолько счастливыми, чтобы имъ не осталось ничего болѣе желать и искать? И если со временемъ все человѣчество достигнетъ такого благосостоянія, развѣ оно удовлетворится имъ? Соціалистическій идеалъ не новъ. Страницы исторіи испещрены всевозможными попытками къ осуществленію его. Его, между прочимъ, искали эпикурейцы и другіе послѣдователи разнообразныхъ эвдемонистическихъ ученій. Но спросите у исторіи, были ли счастливы эти пестрыя толпы искателей матеріальнаго благосостоянія и чувственныхъ наслажденій? Увы! Подобно премудрому Соломону, испивъ всю чашу наслажденій до дна, они вполнѣ убѣждались, что всѣ матеріальныя блага—лишь суета и крушеніе духа. Стара, какъ міръ, и попытка соціализма устроить счастье безъ Бога, создать, вмѣсто служенія Ему, культъ человѣчества. Въ раю впервые прозвучалъ безумный глаголъ: «будете якоже бози». Онъ обѣщалъ человѣку божественное величіе, и лишилъ его рая. Съ тѣхъ поръ звучитъ онъ льстиво и заманчиво и всегда неизмѣнно увлекаетъ человѣка на путь паденія и несчастія. Съ тѣхъ поръ въ мірѣ борются два начала: начало освобожденія всѣхъ существъ міра отъ рабской зависимости, отъ необходимости и соединенія всѣхъ существъ, всѣхъ частей міра путемъ любви въ гармоніи и начало продолжающагося атоми-

зированія, внутренняго распаденія всѣхъ существъ и частей міра и внѣшнее кажущееся соединеніе путемъ насильственнымъ. Торжество перваго ведетъ къ Богу, второго—къ смерти. Вторымъ путемъ ведетъ человѣчество соціализмъ. Онъ весь проникнутъ враждою къ вѣчности, ненавистію къ Богу, привязанностію къ бытію временному, безсмысленному и жаждою сдѣлать это бытіе сильнымъ, божественно-мощнымъ. Его атеизмъ—это злобная радость, что Бога нѣтъ, это—презрѣніе къ человѣческой нравственной личности, стремленіе поработить человѣка плоти, привязать къ землѣ. Но не приковать соціализму человѣка къ землѣ, какъ приковали къ скалѣ Прометея греческіе боги. Онъ перерветъ самыя сильныя цѣпи и, какъ орелъ, воспаритъ къ родному небу. Небо — не выдумка поповъ. Это — живая и близкая намъ реальность. Небо въ нашей душѣ, въ нашемъ я. Небо повсюду вокругъ насъ. Счастіе возможно только въ живомъ единеніи человѣка съ Богомъ.

Предоставленное себѣ, своимъ силамъ, человѣчество, какъ показалъ опытъ многовѣковой исторической жизни, обречено на ужасное существованіе. Оно погибло бы, еслибы безконечная божественная любовь не сжалилась надъ нимъ. Сынъ Божій сошелъ на землю, обожествилъ человѣчество Своимъ воплощеніемъ и принесъ на землю Свое благодатное царство и и въ немъ одномъ только счастье, миръ и радость. Правда, Христосъ мгновенно не пересоздаетъ человѣческой природы не уничтожаетъ на землѣ человѣческаго горя и слезъ, не обѣщаетъ земныхъ радостей и удовольствій, не перестраиваетъ человѣческаго общества. Но мы видимъ, что то сѣмя, которое бросилъ Онъ, растетъ и множится, выростаетъ въ дерево, и знаемъ, что подъ сѣнью этого дерева найдутъ счастье народы, перерождаясь и преобразуясь постепенно. Закваска, брошенная Имъ въ міръ, произведетъ такое броженіе, что и личный міръ каждаго, и общая жизнь человѣчества получитъ новое направленіе, которое принесетъ ему счастье. Правда, и для христіанъ жизнь полна огорченій и скорбей. Иногда слезы не успѣваютъ высохнуть. Но всѣ эти страданія озаряются вѣрою, смягчаются и даже совершенно уничтожаются. Просвѣтленное христіанскою вѣрою сердце примиряется съ горемъ и скорбями. Оно даже, по словамъ поэта, «не отдастъ за блаженство покоя креста благодатныхъ страданій и слезъ», ибо видитъ въ нихъ вѣрный путь къ небу и счастью.

Что же взамѣнъ этого счастія даетъ соціализмъ? На стремленіе души къ высшему, абсолютному, небесному, къ источнику духовнаго свѣта и совершенства онъ отвѣчаетъ, что это стремленіе—пустая мечта, что этого источника нѣтъ, что человѣкъ выдумалъ его. Онъ обрѣзываетъ духовныя крылья человѣка и отнимаетъ надежду на полетъ. Пресмыканіе по грязной землѣ, оскотинѣніе, тоска по далекомъ небѣ, сознаніе безсилія подняться къ нему—вотъ постоянный тяжелый удѣлъ человѣка, лишеннаго Бога.

Но лишивъ человѣка единственнаго утѣшенія среди неизбѣжныхъ въ этомъ мірѣ скорбей—вѣры въ Бога, соціализмъ лишаетъ его и цѣлой области свѣтлыхъ нравственныхъ удовольствій. Въ то время какъ предъ просвѣтленнымъ взоромъ вѣрующаго христіанина ярко горитъ вѣчная звѣзда небеснаго идеала Христова, озаряющая свѣтлую даль всякаго существованія, и онъ радостно и бодро идетъ къ исходящему изъ нея божественному свѣту, зная, куда и зачѣмъ онъ идетъ, жизнь соціалистическаго послѣдователя бредетъ при тускломъ свѣтѣ смраднаго ночника. У соціалиста нѣтъ нравственнаго идеала. У него нѣтъ и нравственности. Для него, по словамъ соц. Менгера, «вся мораль представляется вопросомъ силы» («Христ.» 1907 г., кн. 1, стр. 82), а нравственность—только дѣйствія, которыя вытекаютъ изъ чистаго эгоизма (Ibid., стр. 83). «Нравственнымъ признается тотъ, кто приспособляется къ существующимъ соотношеніямъ соціальныхъ силъ; безнравственнымъ тотъ, кто возстаетъ противъ нихъ». Никакихъ вѣчныхъ законовъ морали не существуетъ. Они создаются соотношеніемъ соціальныхъ силъ и такъ же, какъ послѣднія, скоропреходящи. Совѣсть—людской предразсудокъ и больше ничего. Содержаніемъ ея можетъ служить только боязнь невыгодныхъ послѣдствій противленія существующимъ соотношеніямъ. Чѣмъ выше положеніе личности въ ряду сильныхъ, чѣмъ меньше ей приходится бояться соціальныхъ послѣдствій своихъ поступковъ, тѣмъ меньше будетъ она стѣснять себя вопросами совѣсти. Каждому дозволено то, что онъ можетъ себѣ позволить. Нравственный законъ есть не что иное, какъ животный инстинктъ, однородный съ инстинктомъ самосохраненія и размноженія. Это низведеніе высокаго нравственнаго начала на степень простыхъ матеріальныхъ разсчетовъ глубокимъ негодованіемъ отзовется въ сердцѣ человѣка, который не можетъ никогда совершенно утратить вѣры въ то, что добро есть реальная сила, имѣющая своего абсолютнаго носителя—Бога. Только слѣпая

ненависть ко всему, что—не плоть и ея похоти, или безуміе можетъ думать, что человѣчество въ состояніи не только обойтись безъ нравственнаго идеала, но и быть счастливымъ. Жажда добра, нравственнаго совершенства врождена и необходимо присуща человѣку, какъ и потребность въ пищѣ и питіи. 5—6-лѣтній ребенокъ, не имѣющій ни малѣйшаго понятія ни объ эксплоатаціи капитализма, ни о выгодахъ для него существующей морали, «знаетъ иногда, по справедливому замѣчанію Ѳ. М. Достоевскаго, о Богѣ или о добрѣ и злѣ такія удивительныя вещи и такой неожиданной глубины, что поневолѣ заключишь, что этому младенцу даны природою какія нибудь другія средства пріобрѣтенія знаній». И содержаніе этого, непонятно откуда явившагося, знанія во всѣ времена и при всякихъ соотношеніяхъ соціальныхъ силъ въ существѣ своемъ оставалось, вопреки лживымъ увѣреніямъ соціалистовъ, неизмѣннымъ, вѣчнымъ. Лишивъ человѣка цѣлой обширной области нравственныхъ удовольствій, соціализмъ лишаетъ его и эстетическихъ наслажденій красотами природы. Понимаетъ онъ, что опасна его стремленіямъ безмолвная природа; чувствуетъ, что «небеса повѣдаютъ славу Божію», и боязнь, что эта проповѣдь небесъ воспрепятствуетъ его культурѣ развивать въ человѣкѣ сознаніе, что онъ—животное, что самъ онъ сотворилъ Бога по образу своему, не даетъ ему покоя. И вотъ онъ предпринимаетъ противъ нея походъ. Смотрите, какъ хочется ему, чтобы исчезли и поля, и пашни, и виноградники, чтобы исчезло земледѣліе и садоводство, чтобы все превратилось въ одну сплошную фабрику! Какъ онъ мечтаетъ, что эта фабрика станетъ лучше и совершеннѣе природы производить то, что теперь производятъ растенія! Онъ даже желалъ-бы,—и не скрываетъ этого,—чтобы люди переселились въ сухую безплодную пустыню, подальше отъ природы, этой опасной союзницы отвергаемой имъ морали. И какъ убого, какъ жалко было-бы это существованіе въ пустынѣ, не смотря на всякіе воздушные полеты, электричество и волшебныя коробочки съ химическими веществами!

Для вѣрующаго христіанина природа—чудный и величественный храмъ Божій, гдѣ вѣчно славится имя Творца. Звѣздное небо—это величественный куполъ, наполненный безчисленнымъ множествомъ паникадилъ. Восторженные пѣсни и звуки въ природѣ—прекрасный, полный внутренняго смысла гимнъ и хвала Творцу. Всѣ краски, всѣ цвѣты, всѣ растенія, вся тварь—живая проповѣдь жизни, дѣятельности, разума и безсмертія.

По словамъ В. Гюго, «печать вѣчности лежитъ на всемъ преходящемъ; скромный цвѣтокъ проникнутъ для мыслителя необъятностію темной, лазурной и звѣздной. Мы смотримъ на поля, но приходимъ въ восхищеніе отъ Бога. Лилія, которою ты любуешься, цвѣтетъ въ твоемъ сердцѣ, и душа твоя украшается розами, на которыя ты смотришь. Когда бушуетъ буря, вѣра моя крѣпнетъ; въ ураганѣ я созерцаю сознаніе долга и вѣру въ истину, которая сверкаетъ, какъ молнія» («Христ. Чт.», 1898 г., вып. 10, стр. 566). «Любите другъ друга, говоритъ Іисусъ,—и это слово вѣчно свѣтится для насъ на небесахъ, въ цвѣтахъ, въ обновленномъ нашемъ сердцѣ, какъ сіяніе безконечной любви» (Сюлли Прюдомъ). То ли мы видимъ въ соціализмѣ? Для него природа—это огромная фабрика съ ея мелкими торгашескими, полными эгоизма, вражды и зависти интересами. Она нужна ему только для того, чтобы извлекать изъ нея необходимое для его жалкаго существованія безъ вѣры и Бога пропитаніе, и только до тѣхъ поръ, пока онъ не имѣетъ волшебной коробочки съ химическими веществами. Соціалистъ стоитъ предъ живой полной дивной красоты и очарованія природой не съ восторгомъ умиленія, не съ успокоенной душой, а съ тревожнымъ жалкимъ вопросомъ, какъ бы побольше извлечь изъ ея чудной красоты средствъ для удовлетворенія своей расходившейся плоти. Ему непонятны слова поэта:

„Милый другъ, иль ты не видишь,
Что все видимое нами—
Только отблескъ, только тѣни
Отъ незримаго очами?
Милый другъ, иль ты не слышишь,
Что житейскій шумъ трескучій—
Только откликъ искаженный
Торжествующихъ созвучій".

Въ небесахъ онъ видитъ не Бога, а цифры барышей и доходовъ, посредствомъ которыхъ мечтаетъ достигнуть того, чтобы, ничѣмъ себя не утруждая, устроить свою плотскую жизнь.

Но окончательное и безусловное пораженіе соціалистическому счастію причиняетъ смерть.

Поистинѣ земное счастіе безъ вѣры въ безсмертіе—зданіе, построенное на пескѣ. Съ заботливостію, достойной лучшей доли, строитъ человѣкъ свое земное счастіе; ради него отвергаетъ все высокое, все дорогое, готовъ продать за него, какъ Іуда за тридцать сребренниковъ, и свою душу съ ея божескимъ

достоинствомъ, и своего Искупителя. Но вотъ только успѣлъ онъ вывести крышу на своемъ зданіи, какъ поднялся вѣтеръ, пошелъ дождь, и такъ заботливо созданное имъ счастіе рухнуло. Человѣка не стало. Сошло въ могилу, погибло и его счастіе. Изъ-за чего же тогда такъ усиленно онъ хлопоталъ?

Для чего положилъ столько труда? Не издѣвательство ли надъ его желаніями и мечтами это уничтоженіе въ тотъ моментъ, когда онъ думалъ только насладиться, когда въ предвкушеніи блаженства говорилъ: «душа, много благъ у тебя; ѣшь, пей и веселись!»

Да, безсмысленна жизнь земная, если не озаряетъ ее свѣтъ высшей небесной жизни! Ибо только вѣра въ безсмертіе — свѣтъ нашъ, наше утѣшеніе, наше вдохновеніе, знакъ нашего величія надъ міромъ. Она и во мракѣ послѣдняго часа видитъ свѣтъ, любовь Спасителя. Она знаетъ, что чрезъ печальное таинство смерти Отецъ склоняется къ Своему дитяти, Искупитель къ освобожденному, чтобы сказать ему: «войди въ радость Господа твоего!» Въ аллеяхъ кладбища она слышитъ голосъ ангела, говорившаго: «не ищите Его между мертвыми, а между живыми»; она слышитъ Самого Воскресшаго: «Азъ есмь воскрешеніе и животъ». И жизнь земная пріобрѣтаетъ для нея глубокій смыслъ и значеніе. Она становится не безцѣльнымъ скитаніемъ, а полнымъ нравственнаго смысла подготовленіемъ къ совершенной жизни небесной.

Смерть, какъ законъ природы, не уничтожена христіанствомъ, но она стала для него новымъ рожденіемъ для новой жизни. Мрачная и печальная для естественнаго человѣка, могила для христіанина — колыбель будущаго насельника новой земли, гдѣ правда живетъ. Всѣ пасхальныя пѣсни, которыя такъ поднимаютъ нашу душу въ свѣтлыя сферы вѣчности, проповѣдуютъ одно: Христосъ побѣдилъ смерть, Христосъ возсталъ—веселіе вѣчное!

Пусть же ослѣпленные безумцы говорятъ въ безуміи своемъ: нѣсть Богъ! Пусть тѣшатъ себя химерой земного рая! Пусть стараются замѣнить хлѣбъ небесный хлѣбомъ земнымъ! Пусть возстаютъ на Христа во имя этого хлѣба земного! Мы останемся со Христомъ и съ истиной Его! Онъ одинъ имѣетъ глаголы жизни вѣчной. Онъ съ язвами Своего креста, но съ неувядаемой жизнію постоянно проходитъ предъ нами чрезъ всю даль вѣковъ. Не въ Іерусалимѣ только 19 вѣковъ назадъ желали принесть Его въ жертву. Онъ былъ еще бичуемъ, злословимъ, предаваемъ на смерть въ Своемъ тѣлѣ—

Церкви. Міръ желалъ затопить ее въ потокахъ крови, но Онъ съ новою славою возсталъ изъ этой кровавой могилы, между тѣмъ, какъ язычество, преслѣдовавшее его съ жестокостію и пыломъ, произнесло въ безсиліи умирая: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!»

Въ нѣдрахъ самого христіанства преслѣдовали Его въ лицѣ вѣрныхъ свидѣтелей Его. Новыя бичеванія, новыя раны, новые кресты. Но Онъ снова возсталъ въ славѣ, израненный и изъязвленный, но вѣчно живой. Сколько разъ человѣческая мудрость пыталась вонзить гвозди въ тѣло Его! Вольнодумный 18-й вѣкъ праздновалъ похороны христіанства. И вотъ Онъ попрежнему живъ и украшенъ вѣчною юностью. Теперь направлены на Него новыя стрѣлы. Но мы знаемъ Его: Онъ оживетъ и побѣдитъ, Онъ воскреснетъ полнымъ силы изъ глубины гробницы, и мы увидимъ, какъ падетъ въ совершенномъ безсиліи всякое могущество, противное славѣ Его.